Текст · 26 февраля 2024, 11:23
Анна Павлова, Сергей Голубев,

«Внуки будут стыдиться рассказывать, где служили дедушки и бабушки». Последнее слово Олега Орлова

В день, когда начался этот судебный процесс, Россию и мир потрясла страшная новость о гибели Алексея Навального. Потрясла она и меня. И я даже думал вовсе отказаться от последнего слова: ну до слов ли нам сейчас, когда мы все еще не отошли от шока, вызванного этим известием? Но потом я подумал: а ведь все это звенья одной цепи — смерть, а точнее, убийство Алексея Навального, и судебные расправы над другими критиками режима, в том числе и надо мной, удушение свободы в стране, ввод российских войск в Украину. Все это звенья одной цепи. И я решил все-таки сказать.

Я не совершил преступления. Меня судят за газетную статью, в которой я назвал политический режим, установившийся в России, тоталитарным и фашистским.

Статья была написана более года назад. И тогда некоторым моим знакомым казалось, что я слишком сгущаю краски. Но вот сейчас уже совершенно очевидно — я нисколько не преувеличивал.

Государство в нашей стране контролирует уже не только общественную, политическую, экономическую жизнь, но и претендует на полный контроль над культурой, над научной мыслью и

вмешивается в частную жизнь. Оно, государство, становится всеобъемлющим. И мы это видим.

В течение только четырех с небольшим месяцев, которые прошли с окончания моего первого судебного процесса в этом же суде, произошло множество событий, показывающих, как быстро и все глубже и глубже погружается наша страна в этот мрак.

Очень коротко перечислю ряд различных и по масштабу, и по трагизму событий:

— в России запрещают книги ряда современных русских писателей;

— запрещено несуществующее «движение ЛГБТ», а по сути это означает наглое вмешательство государства в личную жизнь граждан;

— Высшей школе экономики абитуриентам запрещено цитировать «иностранных агентов». Теперь абитуриенты и студенты прежде, чем изучить предмет, должны изучать и запоминать списки «иностранных агентов»;

— известного ученого-социолога, левого публициста Бориса Кагарлицкого осудили на пять лет лишения свободы. За что? За несколько слов, которые он сказал о событиях войны в Украине, которые отличаются от официально озвученной позиции;

— и, наконец, человек, которого пропагандисты называют «национальным лидером России», говоря о начале Второй мировой войны, сказал следующее,

цитирую: «Все-таки поляки вынудили, они заигрались и вынудили Гитлера начать Вторую мировую войну именно с них. Почему началась война именно с Польши? Она, Польша, оказалась несговорчивой. Гитлеру ничего не оставалось при реализации его планов, как начать именно с Польши». Конец цитаты.

Вот как следует называть политический строй, при котором происходит все, что я сейчас перечислил? По-моему, ответ не вызывает сомнений. К сожалению, в своей статье я был прав.

Под запретом находятся не только публичная критика, но и любые независимые суждения. Наказание может последовать за поступки которые, казалось бы, к критике власти и политике вообще не имеют отношения.

Нет области искусства, где возможны свободные художественные высказывания, нет свободной академической гуманитарной науки, нет уже больше и частной жизни.

Скажу теперь несколько слов о характере обвинений, выдвинутых против меня и выдвигавшихся на многих аналогичных судебных процессах против тех, кто, подобно мне, выступает против войны.

При открытии нынешнего данного судебного процесса я отказался в нем участвовать и благодаря этому имел возможность во время судебных заседаний перечитать вот эту книгу — роман Кафки «Процесс». Действительно, у нашей сегодняшней ситуации в нашей стране и у ситуации, в которой

оказался герой этой книги, есть общие черты — это абсурд и произвол, произвол, который маскируется под формальным соблюдением каких-то псевдоправовых процедур.

Вот, пожалуйста, нас обвиняют в дискредитации, не объясняя, что это такое и чем она отличается от легитимной критики. Нас обвиняют в распространении заведомо ложной информации, не удосуживаясь доказывать ее ложность — точно так же, как действовала советская власть, объявляя критику, любую критику, ложью. А наши попытки доказать достоверность этой информации сами по себе становятся уголовно наказуемыми. Нас обвиняют в том, что мы не поддерживаем систему взглядов и мировоззрение, провозглашенные руководством нашей страны правильными. И это при том, что государственной идеологии в России не может быть, согласно Конституции. Нам выносят обвинительные приговоры за сомнения в том, что нападение на соседнее государство имеет целью поддержание международного мира и безопасности. Вот абсурд.

Герой Кафки до конца романа так и не знал, в чем же его обвиняют, несмотря на это, ему вынесли приговор обвинительный и казнили. А нам в России формально оглашают обвинение, но понять его, оставаясь в рамках права и логики, невозможно.

Впрочем, в отличие от героя Кафки, мы понимаем, за что на самом деле нас задерживают, судят, арестовывают, приговаривают, убивают. На самом деле нас наказывают за то, что мы позволяем себе критиковать власть. А в нынешней России это абсолютно запрещено. Конечно, депутаты,

следователи, прокуроры и судьи никогда не произносят это открыто. Они скрывают это под абсурдными и нелогичными формулировками так называемых новых законов, обвинительных заключений и приговоров. Но это так.

Сейчас в колониях и тюрьмах медленно убивают Алексея Горинова, Александру Скочиленко, Игоря Барышникова, Владимира Кара-Мурзу и многих других. За что их убивают? Их убивают за то, что они протестовали против кровопролития в Украине, за то, что они хотят, чтобы Россия стала демократическим, процветающим государством, не представляющим угрозу для окружающего мира.

А в последние дни хватали, наказывали и даже лишали свободы людей только за то, что они пришли к памятникам жертвам политических репрессий почтить память убитого Алексея Навального. Замечательного человека, смелого, честного, который в невероятно тяжелых условиях не терял оптимизма и веры в будущее нашей страны. Ну конечно же это было убийством, независимо от конкретных обстоятельств этой смерти. И власть воюет даже с мертвым Навальным, она боится даже его мертвого — и правильно боится. Они уничтожают стихийно создаваемые мемориалы его памяти.
И те, кто это делает, надеются, что таким образом удастся деморализовать ту часть российского общества, которая продолжает чувствовать свою ответственность за свою страну. Так вот, пусть не надеются. Мы помним призыв Алексея — «не сдавайтесь». А вот я от себя добавлю: и не падайте духом, и не теряйте оптимизма. Ведь правда на нашей стороне.

Те, кто привел нашу страну в ту яму, в которой она сейчас оказалась, представляют старое, дряхлое, отжившее. У них нет образа будущего — только ложные образы прошлого, миражи имперского величия. Они толкают Россию вспять, назад, в антиутопию, описанную Владимиром Сорокиным в «Дне опричника». А мы живем в XXI веке, за нами настоящее будущее, и в этом залог нашей победы.

Завершая свое выступление, я, наверное, неожиданно для многих, хочу обратиться к тем, кто сейчас своей работой двигает вперед каток репрессий.
К правительственным чиновникам, сотрудникам правоохранительных органов, судьям, прокурорам.

На самом-то деле вы все прекрасно понимаете. И далеко не все из вас убежденные сторонники политических репрессий. Подчас вы сожалеете о том, что вам приходится делать, но вы говорите себе: «А что я могу поделать? Я всего лишь выполняю указания начальства. Закон есть закон».

Я обращаюсь к вам, ваша честь, я обращаюсь к представителю обвинения. Вам самим-то не страшно? Не страшно наблюдать, во что превращается наша страна, которую, возможно, наверное, вы тоже любите? Не страшно, что в этом абсурде, в этой антиутопии, может быть, придется жить не только вам, но и вашим детям и, не дай бог, вашим внукам? Неужели на ум не приходит очевидное — каток репрессий может раньше или позднее прокатиться и по тем, кто его запускал и подталкивал? Ведь так уже не раз было в истории.

Повторю сказанное мною на предыдущем процессе. Да, закон есть закон. Но, помнится мне, в 1935 году были в Германии приняты так называемые Нюрнбергские законы. И потом, после победного 1945 года тех, кто их исполнял, судили. У меня нет полной уверенности, что нынешние создатели и исполнители российских антиправовых, антиконституционных законов сами понесут судебную ответственность. Но наказание будет неизбежно. Их дети и внуки будут стыдиться рассказывать о том, где служили и что делали их папы и мамы, дедушки и бабушки. Так же будет и с теми, кто сейчас во исполнение приказов совершает преступления в Украине. И по-моему, это самое страшное наказание, и оно неизбежно. Ну, а наказание мне, очевидно, тоже неизбежно,

потому что надеяться на оправдательный приговор в нынешних условиях было бы верхом наивности. И сейчас очень скоро мы все увидим, какой будет приговор. Но я ни в чем не раскаиваюсь и ни о чем не сожалею. Все.

Редактор: Дмитрий Ткачев